

ПРОЛОГ

Она крутилась перед зеркалом, чернила тонкие брови карандашом все гуще и гуще, пока не осталась довольна отражением: завитые локоны, шляпка-таблетка, красные полосы губ, платье из переливчатой трофейной ткани. Накинула сверху пиджак, но поморщилась — не видно талии с тугим кокетливым ремешком.

Набрехала любимую лисью горжетку, что подарил муж на юбилей. Вот так лучше, сразу видно, что она жена солидного работника «Мосхимпрома». Пускай соседи шепчутся, что май на улице, это все от зависти к их шикарной жизни. Щедро оросила себя из бутылочки с надписью «Красная Москва» — все, готова к выходу.

У подъезда она замедлила шаг назло соседям: пускай полюбуются, как играет на ветру пышный подол ее платья, а мех переливается роскошным блеском.

Минуту триумфа прервал крепкий шлепок чуть ниже колена. От неожиданности женщина вздрогнула, резко повернулась назад, чтобы двинуть но-

ском туфли в морду соседской невоспитанной собаке. И в шоке отпрянула.

Снизу на нее смотрело продубленное до черноты, с глубокими порезами морщин лицо человека без ног. Это его уродливая рука-лопата болезненно стиснула нежную голень. Инвалид с обрубленным до самых бедер телом прокатил свою тележку почти по кончикам модных кожаных туфель.

— Ну-ка, дамочка, в сторонку, пропусти героя-инвалида. — Возле колен с тихим звоном медалей проплыла голова в сосульках грязных волос, бугристые плечи в замызганной гимнастерке.

Она достала из ридикюля платок и с отвращением вытерла место, к которому прикоснулись его гнусные пальцы.

Мужчина на тележке покатил дальше как ни в чем не бывало — мимо зарослей с голубятней в глубине, где он уже неделю наблюдает за жизнью дамочки, жены высокого партийного работника, дальше — по тротуару, потом долгая дорога вдоль трамвайных путей до многоголосого рыночного пятачка недалеко от трех вокзалов. Здесь его уже ждут.

Под деревом в ленивом ожидании замер высокий шеголь в яркой рубаше. При виде инвалида он не шевельнулся, продолжая наблюдать за ры-

КОРОЛИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН

ночной толчеей из-под опущенных век. Только вздрогнули губы через грохот тележки:

— Здарова, Танкист.

— Здравей видали, — буркнул в ответ инвалид, которого передергивало от злости каждый раз, когда кто-нибудь тыкал в него прозвищем для послевоенных безногих калек, что передвигались с помощью тачек на колесах.

Он прижал к прохладной траве руки, занывшие после долгой поездки, сухо бросил:

— На четвертом живут они вдвоем, без детей, кухарка до обеда стряпает и уходит, три комнаты. Жирдяй ее, партейщик на мылзаводе, приказы раздает. Фатера шик-блеск.

— Откуда узнал? — в серых глазах Михана Давилки, вора-домушника, мелькнул интерес. Он сунул инвалиду плоскую фляжку с коньяком — знал слабости фронтовика. Тот сделал большой глоток, зажмурился, чтобы проследить, как от живительной влаги каждый сантиметр сухого, измученного тела словно напивается, становится мягким и теплым.

— Соседи болтали во дворе, жена у модистки платья шьет, воротник из лисы носит, он в костюмах, толстый. Автомобиль имеется. И продпаек мешками таскают каждую неделю. — Алкоголь заменил раздражение на игривое настроение. — А знаешь, как определяю, что квартира жировая?

Домушник фыркнул насмешливо (что за великая тайна у убогого осведомителя?):

— Ну?

— По ляжкам! — с ликованием выдал мужчина, глаза его засветились от внутреннего жара. — Если у хозяйки нога сдобная, а чулки шелковые, значит, и квартира в ажуре. Уж я-то знаю, столько бабенок перещипал!

Давилка еле удержался, чтобы не расхохотаться над безногим изуродованным казановой. Но, зная обидчивость фронтовика, только улыбнулся, достал из кармана купюру и сунул в жесткую от деревянных каталок-«утюжков» ладонь.

— На, заработал.

— В следующий раз подтяжки лучше мне принеси, как у тебя, трофейные. Копейки на поллитру мне и на рынке накидают. Подтяжки надо, штаны сваливаются, и рубаха торчит. — Калека кивнул на щегольские помочи с узкими серебрястыми зажимами, которые удерживали широкие брюки Михана.

Тот мысленно хохотнул над желаниями калеки: «Вот неугомонный безногий, форсить вздумал!» Но в ответ только кивнул и зашагал к остановке: пора срочно обсудить с Черепом, главарем их шайки, как обнести квартиру финдибоберной парочки.

ГЛАВА 1

В мае сорок седьмого Колька вновь увидел своего отца. Был тот худ, бледен, в гражданской одежде, висевшей на нем как на вешалке. Ни кепки, ни шляпы не было, и сильно полысевшая бугристая голова отца, обтянутая белой с синевой кожей, резко выделялась среди прохожих.

Отец медленными неуверенными шагами продвигался в сторону своего дома. Наверное, в его сердце должна была жить радость от предстоящей встречи с родными, от скорого возвращения в стены знакомой с детства квартиры, помнившей степенную поступь Пантелея Романовича, сурового Колькиного деда. Пантелей Романович чудом избежал раскулачивания в девятнадцатом и глупейшим образом подавился рыбьей костью через каких-то два года, в двадцать первом. Радость должна была жить в Игоре Пантелеевиче, Колькином отце, но ни одна мышца лица, ни малейшее движение сильно исхудавшего, согнувшегося тела об этом не говорили. Отец был жалок настолько, что каждый, кто проходил мимо, оглядывался и

проводил его долгим сочувственным, а порою и осуждающим взглядом.

Николай заметил отца, когда тот входил во двор. Долго всматривался в сильно изменившиеся, ставшие безвольными черты лица Игоря Пантелеевича, сразу не признавая в долговязом худом мужчине бату. Потом, когда все-таки понял, что глаза его не обманывают, Колька несколько минут не мог поверить увиденному.

В памяти всплывал желтоватый, дрожащий в мамкиных руках листок с сухими лаконичными фразами, которые набатом прогудели в Колькиной голове: «В бою за Социалистическую Родину, верный военной присяге, проявив мужество и героизм, погиб 9 июля 1944 года...»

В тот день у мамки пропало молоко, и Наташа, двухлетняя Колькина сестра, перестала выпивать из матери последние соки, а два раза в день, утром и вечером, сидела теперь за общим столом, уплетая скудные куски хлеба и похлебку из картофельных очисток. Чтобы она самостоятельно дотягивалась до стола, мать подкладывала ей на скрипучий, из темного дерева, стул Колькины книги: «Три мушкетера» Дюма и «Всадник без головы» Майн Рида. Колька косился на край желтого платяца, худенькие девчачьи ножки, боясь, что сестра, неосторожно завожившись, помнет или порвет его любимые книги.

Подойдя к подъезду, отец остановился. Можно было подумать, что он сомневался, идти ему дальше или так и остаться на этом месте ночевать. Уставший пустой взгляд не выражал ничего.

Колька, который с Саньком и Альбертом находился совсем рядом, у турника, к этому времени уже признал в изможденном человеке батю.

Устало вздохнув, отец открыл дверь и вошел в подъезд.

— Ого, какой индивид к нам пожаловал, — заметил Альберт. — Словно с того света. Кого-то он мне напоминает.

— Труп фрица, — сострил Санька, — оживший через пару лет после захоронения.

Санька хотел вернуть еще одну колкость, она уже готова была слететь с его языка, но не успел. Не говоря ни слова, Колька сорвался с места.

Он вбежал в подъезд, быстро, через ступеньку, преодолел лестничный марш и застыл, глядя, как отец на втором этаже, у дверей их квартиры, долго и безотрывно жмет на кнопку звонка. Почему-то подойти и обнять Игоря Пантелеевича или, на худой конец, пожать руку ему Колька забоялся. Что-то чужое было в этом человеке, отстраненное и закрытое.

Дверь отворила Антонина Михайловна. Отец не сразу убрал руку с кнопки, и переливчатый звон словно перебрался в мамкины широко распахну-

тые глаза, запрыгал, заскакал в сини голубых зрачков и вдруг скатился сначала из одного, затем из другого глаза крупными, тяжелыми каплями.

— Игорь, живой! — охрипшим от волнения голосом прошептала мамка и бросилась мужу на шею.

Тот вздрогнул, испуганно подался назад, потом, словно опомнившись, положил руки на плечи жены и застыл в неудобной позе. Мать зарылась лицом в отвороты серого пиджака, плечи ее затряслись в беззвучном рыдании. Затем она громко и жадно вдохнула воздух, в котором будто бы топила два года безрадостной вдовой жизни, а сейчас вынырнула из воды и с завыванием заголосила:

— Родненький мой... Ведь не чаяла живым увидеть... Любимый... — с трудом выговаривала она между всхлипами.

Дверь напротив приотворилась, и в небольшом зазоре показалась любопытная голова Анны Филипповны, одинокой соседки в летах.

Из шестой квартиры тоже выглянули на шум. Вышел одорукий дядька Егор в рубахе с подоткнутым в рейтузы пустым рукавом. Из-за его спины высунулись любопытные носы Мишаньки с Пашкой, озорных погодков дошкольного возраста.

Потеряв руку еще в начале войны, дядька Егор в сорок втором был демобилизован, вернулся домой. Когда кто-то из соседей получал похоронку, страшно мучился от того, что у него в семье все так

благополучно. Он жалел овдовевших и оставшихся без сыновей женщин, стыдился того, что его жена, переживая тяготы войны за мужчиной спиной, оказалась счастливее других. Не раз он подбадривал добрым словом и Колькину мать, подсовывал Наташке карамельку, неизвестно откуда взявшуюся у него в военное время.

— Никак Игорь! — удивленно воскликнул дядя Егор и широко улыбнулся. — Ну, Михайловна, поздравляю! Чего ж ты плачешь, дурная голова, смеяться надо. Муж после стольких лет вернулся. Он же у тебя теперь, после похоронки-то, считай, заново родился.

Отец вздрогнул на последних словах соседа, бросил на него беглый взгляд и тут же отвел глаза. Мать, словно пристыженная дядькой Егором, стала всхлипывать реже, оторвалась от мокрого пиджака, стала утирать глаза руками. Сосед заметил на ступенях парня.

— А ты, Николай, что как не родной стоишь? Батяня с фронта вернулся. Теперь совсем другая жизнь пойдет. Не сирота ты больше.

* * *

Жизнь Колькина действительно закрутилась по-новому. И дома, и в школе...

— Рассаживайтесь побыстрее, через пятнадцать минут вторая смена завалит. Гладкова, тебя это не касается? Позже с подружками поболтаешь.

— А мы решаем вопрос голодающих детей Африки и подлой эксплуатации их империалистическими странами Запада. Завтра первым уроком — политинформация.

Хорошенькая Оля Гладкова независимо повела плечом и, усаживаясь за парту, гордо вздернула подбородок. Веснушчатая Надя Белоусова прыснула в кулак, предварительно отвернувшись от председателя совета пионерской дружины Антона Мещерякова.

— Знаю я вашу политинформацию, — сдвинул брови Антон. — Была бы моя воля, я бы тебя, Гладкова, ни за что в старосты класса не выбрал. Легкомысленная больно. И сознательность у тебя хромает.

— Ничего. Твоей сознательности, Мещеряков, на весь совет дружины с лихвой хватит. Даже еще останется.

Надя, занявшая место рядом с подругой, постаралась подавить очередную улыбку. От этого ее лицо перекосилось, кожа слегка покраснела, скрывая большие коричнево-рыжие веснушки. Не выдержав, Белоусова снова прыснула в кулак.

Лидия Михайловна, пионервожатая школы, молча сидевшая рядом с председателем совета дружины, строго постучала ручкой по парте. Этого было достаточно, чтобы члены совета быстро расселись по своим местам.

Парты в пионерской комнате были поставлены буквой «Г». С одной стороны, такое расположение позволяло создать иллюзию круглого стола. Каждый видел не затылки, а лица членов совета, чувствовал себя равным сидящему рядом. С другой стороны, председатель и пионервожатая всегда усаживались за парту, являющуюся шапкой буквы «Г», противопоставляя себя всем остальным, прямой линией столешницы отрезая себя от остальных учеников, одновременно возвышаясь над ними.

Воцарилась тишина. Двенадцать пар глаз выжидательно уставились на Антона.

— Внеочередное заседание совета дружины объявляю открытым. На повестке дня всего один вопрос: моральный облик ученика шестого «Б» класса Николая Пожарского.

— А мне его облик очень даже нравится, — заметила Оля Гладкова.

— Вот и женись на нем, — сострил Каркуша, длинноносый ученик восьмого класса со смоляными, всегда взъерошенными волосами. После избрания в совет дружины он загордился, отдалился от одноклассников и заметно испортился характером.

Все засмеялись, и Лидия Михайловна снова застучала по столу.

— Не совет дружины, а балаган какой-то, — обиженно сказал Мещеряков, повернувшись к пи-

онервожатой. Вся его фигура говорила о том, как тяжело вразумлять дружину, словно малых детей, что в пионерской комнате сейчас находится только два серьезных, ответственных человека, достойных носить звание пионера: он и Лидия Михайловна.

Пионервожатая незаметно для других приподняла брови, молча соглашаясь с любимым учеником.

— Так что там Пожарский опять натворил? — спросил пионер седьмого «В» класса, загорелый и спортивный Захаров Илья. Он был заядлым футболистом, с выгоревшими белесыми волосами, всегда стоящими на макушке ежиком. Илье не терпелось скорее покончить с нудной обязанностью члена совета дружины и убежать на школьный двор. — Давайте вклеим ему выговор и разоидемся по домам.

— За что? — возмутилась Гладкова. — Предлагаю выговор вклеить Захарову за безответственное отношение к своим обязанностям.

— Голосуем. Я «за»! — Надя потянула руку вверх.

— Серьезнее, ребята.

— Через десять минут вторая смена явится.

Лидия Михайловна встала и строго, сверху вниз, взглянула на пионеров. Все разом притихли, стали серьезными. Антон тоже встал, откашлялся и, несколько смущаясь, начал заседание.

— Итак, как я уже говорил, на повестке дня вопрос о поведении Коли Пожарского. Он систематически прогуливает уроки, плохо учится, не участвует в общественной жизни школы.

— И что? — ломающимся грубым голосом выразил свое удивление Гурам Алиев по кличке Гурман. — Мало ли в школе тех, кто плохо учится? В моем классе трое таких.

— Ну, можно на классном часе поднять вопрос о его успеваемости.

— Правильно. Или назначить сбор на тему «Береги минуту». И отметить, кто к своим минутам подходит ответственно, а кто, как Пожарский, бездумно их прожигает.

— Каждый год проводим эту «Береги минуту». Надоело!

— Тебе, Кораблев, может, и пионером быть надоело?

— Да я что...

Гладкова, порозовев щеками сразу от возмущения и от смущения, встала со своего места. Весь вид этой темноглазой красавицы, принципиально пренебрегавшей модными стрижками и гордо носившей толстую, с кулак, косу, говорил о твердой решимости отстаивать свою точку зрения.

— Я до четвертого класса училась вместе с Пожарским, — начала Оля, обведя взглядом собравшихся в пионерской комнате. Правая рука ее сжа-

лась в кулак, выказывая внутреннее напряжение, левой она оперлась на парту. — Четыре года — срок не малый. И могу с полной ответственностью заявить, что Пожарский — сознательный пионер. Мало кто из сидящих здесь знает, что в самом начале войны, когда Колиного отца забрали на фронт, Николай перестал ходить в школу.

— Вот именно, — радостно подхватил Антон. — Злостный прогульщик ваш Пожарский.

— Так ведь почему он прогуливал? — Оля прямо посмотрела на Мещерякова. Длинная прядь челки повисла над глазами. Оля дунула на челку, убирая с лица, и, обращаясь к одному только Антону, продолжила: — Мать Пожарского была нездорова и... с грудным ребенком. Да, Коля стал прогульщиком, но не от несознательности. Пока мы здесь, в школе, протирали свои штаны, Николай устроился на 393-й Красногорский механический завод, кормил семью и помогал фронту, вытаскивая снаряды. А ты, Мещеряков, что в годы войны сделал для фронта?

Повисла напряженная тишина. Надя, запоздало предостерегая подругу, дернула Гладкову за подол платья и испуганно охнула. Оля в упор смотрела на Антона. Рука ее, опиравшаяся на парту, мелко задрожала. Под прямым взглядом председателю совета дружины показалось, что на его стул насыпали битого стекла, которое впивается в пятую

точку, отчего хочется заерзать, вскочить и убежать. Антон сглотнул, подавляя свое малодушное желание.

На выручку любимцу пришла пионервожатая.

— Это, конечно, хорошо, — прервала она тягостное молчание. — Работа на оборону страны — дело замечательное. Если таковая работа действительно была. С этим стоит разобраться...

— Я знаю наверняка! — воскликнула Оля, перебивая Лидию Михайловну. — В нашем доме многие из соседей работают на Красногорском заводе. Они знают Колю и видели его там.

— Что он делал на этом заводе, остается вопросом открытым.

— Лидия Михайловна, соседи не будут лгать!

Женщина, изменив своей обычной сдержанности, вдруг вспыхнула и закричала:

— А где в это время находился отец Пожарского, соседи тебе не сказали? Что он делал, пока Пожарский, по твоим словам, работал на оборону, а по моим сведениям, злостно прогуливал школу?

Гладкова растерялась от неожиданного напора, моргнула и неуверенно ответила:

— Известно где. На фронте. Воевал с фашистами.

— Воева-а-ал?! — Лидия Михайловна с удовольствием растянула слово, будто пробуя его на вкус. Светлые ее глаза с белесыми ресницами сощури-

лись, лицо приняло хищное выражение. — Или сдался в плен, дрожа за свою шкуру? Как последний трус. Собственно, почему как... Он и есть трус. Трус, продавшийся Германии!

Оля вздрогнула. Захаров многозначительно присвистнул, тут же получив толчок локтем под ребра. Дверь приоткрылась, в щель просунулась веснушчатая голова ученика второй смены. Он хотел было что-то спросить, но, почувствовав повисшее в воздухе напряжение, осторожно прикрыл дверь.

— Лидия Михайловна, — растерянно пробормотала Оля, — у вас точные сведения?

— С непроверенными данными я бы не созывала совет.

* * *

Слух об отце Пожарского распространился по школе за считанные часы. Все, от учителей до первоклашек, с любопытством оглядывались на Колю, едва тот показывался в школьном коридоре. На переменах школьники даже прибегали с других этажей, только чтобы, толкаясь и переговариваясь, посмотреть на Колину сутулую спину и бросить ему вслед презрительное: «Немец». Кличка эта приклеилась к нему намертво и уже до конца учебы в школе не отпускала его.

История пребывания Игоря Пантелеевича в плену обростала домыслами, порою реалистич-

ными, но чаще — совсем фантастическими. Так, кто-то предположил, что отец Пожарского добровольно сдался фрицам, поскольку был недобрым кулаком и втайне мечтал о возвращении в Советскую Россию помещиков и белых офицеров. Говорили, что каждый вечер, перед сном, он достает из-под подушки крест с георгиевской ленточкой и начищает его до блеска. Мечтает в любой момент во всем великолепии встретить царских приспешников, если таковые решатся снова напасть на Советскую страну.

Кто-то божился, что точно знает о связи Пожарского-старшего с самим Гитлером. Будто был он личным осведомителем фюрера, выдал немало данных о расположении частей Красной армии, о количестве танков, бронетехники, снарядов и даже винтовок и автоматов. А один второгодник из пятого «А» сообщил, будто собственными глазами видел на груди Колиного отца фашистский орден в виде свастики с бантом.

Коля никак не мог понять причины неожиданно пристального внимания к себе. В классе у него не было друзей, которые смогли бы предупредить его о распространявшихся слухах.

Коля и сам точно не знал, где так долго пропадал его родитель. После возвращения прошла неделя, а отец только отмалчивался, сидел подальше от

окна, около горшка с фикусом, и даже матери не говорил о том, что с ним случилось на фронте.

Однажды, в понедельник рано утром, когда Коля гладил пионерский галстук, Игорь Пантелевич как-то незаметно для всех собрался и, выходя из квартиры, бросил, что скоро вернется. После того как отметится в милиции. Мама растерянно опустилась на табурет, обессиленно сложила на коленях худые, в венах, руки и заплакала. Тихо, без всхлипываний. Слезы быстро сбегали по щекам и терялись в застиранном воротнике старенького домашнего халата.

Коля чувствовал к себе внимание не только на перемене, но и на уроках. В этот день класс, словно по молчаливому согласию, отказывался слушать учителей. Вызванные к доске отвечали невпопад. Перешептывались. На уроке истории кто-то исподтишка стрельнул в спину Коле комком жеваной промокашки.

Это было неожиданно. В классе Пожарского боялись и предпочитали не связываться с ним. Не то чтобы Николай запугивал одноклассников. Он, конечно, не был примерным учеником, но никогда не издевался над другими. Более того, если видел несправедливость по отношению к слабому ученику, вставал на защиту, не считаясь с тем, равны ли силы противника его собственным. Однако одноклассники Колю боялись. Все

потому, что он был значительно старше и крупнее их. В свои четырнадцать Николай только заканчивал шестой из-за пропущенных нескольких лет учебы. Из школы Немец ушел в четвертом, чтобы работать на заводе, а вернулся через два года. Его бывшие одноклассники учились теперь в 8-м, Кольке же приходилось сидеть с 11—12-летними детьми, что еле доставали ему до плеча. Такое положение дел необыкновенно тяготило паренька, но недовольство он на одноклассниках не проявлял. И вдруг — ком промокашки в спину.

Коля отпросился в туалет и вышел в коридор. Тишина неприятно надавила на уши. До звонка оставалось около пятнадцати минут. Он направился к лестнице и поднялся на третий этаж. Недалеко от кабинета химии была ниша, в которой стояло знамя школы. Ярким кроваво-алым пятном оно полыхало на фоне скучно-зеленых, выкрашенных масляной краской стен. Если хочешь что-то спрятать, положи это на самом виду. Николай хотел спрятаться сам. Он шагнул вглубь ниши и замер, прикрывшись кумачом.

Вскоре прозвенел звонок. Из дверей горохом высыпались шумные ученики. Пожарский дождался, пока потянулись с урока химии старшеклассники — его бывшие одноклассники.

У Коли защемило сердце. Они учились вместе еще в прошлой жизни, до войны. Когда можно

было радоваться каждому новому дню. Когда уроки были трудными, а перемены интересными. До его взрослой безрадостной жизни на заводе. И конечно, до нынешнего, еще более безрадостного постыдного обучения с мелюзгой.

Миша Заворотнюк, Егор Григорьев, Андрей Держиногоа... После них из класса стали выходить девушки. Оля Гладкова что-то с упоением рассказывала неизменной, с первого класса, подруге Наде. Коля проводил ее взглядом. Ему нравилась Оля в той жизни, когда еще можно было влюбляться. Наконец, чуть пришаркивая ногами, из дверей вывалился худой и нескладный Альберт Судорогин.

Николай тихо свистнул. Альберт вздрогнул и повернулся на звук. Близоруко прищурился и, узнав друга, задержался у знамени, поджидая, пока одноклассники пройдут мимо.

Коля кивнул в сторону лестницы. Альберт без слов понял, и они с сосредоточенными лицами, словно занятые каким-то важным поручением, спустились вниз. Вышли во двор и повернули за угол школы. Прошли к мастерским, задняя стена которых густо поросла кустарником. Спрятались, присели на корточки. Коля достал подаренную Давилкой пачку папирос, протянул другу. Альберт взял сразу две. Одну аккуратнo, с некоторым трепетом, спрятал в нагрудный карман рубашки, а вторую прикурил. Николай тоже затаился.

Какое-то время курили молча.

— Плохи у тебя дела, — первым заговорил Альберт, как обычно догадавшись еще до начала разговора, о чем хочет спросить его Коля. — Вся школа знает о твоём отце. Возмущены до предела. «Немцем» тебя окрестили. Привыкай к новой кличке.

— Почему «Немцем»? — удивился Коля.

Альберт внимательно посмотрел на него.

— Серьезно не знаешь?

— Нет.

Судорогин глубоко затынулся. Красный огонек папиросы добежал до самых пальцев, уже принимавших, как у взрослых курильщиков, желтоватый цвет. Выбросив окурочек подальше в кусты, Альберт немного поколебался, но все-таки достал припрятанную про запас вторую папиросу. Не глядя на Николая, прикурил. Чувствовалось, что он медлил, подбирая правильные слова.

— Тут такое дело. Пионервожатая воду мутит. Говорит, отец у тебя в плену был. Вроде как добровольно сдался. — Альберт повернулся к Пожарскому, решившись наконец посмотреть другу в глаза. — Не знал?

Коля густо покраснел, в глазах появилось злое упрямство. С минуту они молча смотрели друг на друга: один с любопытством, второй — с еле сдерживаемым, готовым вырваться наружу остервенен-

нием. Прогоревшая папироса обожгла Коле палец, Пожарский дернулся и бросил бычок под ноги.

— Врет, сука!

— Говорят, письмо пришло из горно. Молния.

— И они врут.

— Ну, брат, ты загнул. — Невзирая на серьезность разговора, Судорогин невольно усмехнулся.

От переполнявшего его возмущения Коля вскочил на ноги и заговорил громко, не таясь:

— Ты же знаешь, Судорогин, батя мой в авиации воевал. Трусов в летчики не берут!

Ноздри его жадно раздулись. Не хватало воздуха. Никогда Николай не сомневался в своем отце. До войны инженер на авиазаводе, участник и неоднократный победитель социалистических соревнований, неизменно на хорошем счету у руководства завода и у работников цеха — Игорь Пантелеевич уже в августе сорок первого ушел добровольцем на фронт. На вокзале, перед его отпавкой, мама плакала, закрывая одной рукой рот, а другой придерживая тяжелый, низко опущенный живот. Наташа уже тогда, на седьмом месяце своей жизни в утробе не отличалась терпением, торопилась выбраться наружу. Врачи кололи маме уколы, которые должны были сдержать Наташкино любопытство, не выпуская ее раньше времени на свет божий.

Коля помнил, как отец, обнимая насмерть испуганную жену, повернулся к нему и серьезно, повзрослому, сказал:

— Береги наших женщин. — Он почему-то был уверен, что родится девочка. Почувствовал именно в этот момент, когда расставание было так близко. — Я буду защищать их там, далеко. А ты позаботься о них здесь. Я рассчитываю на тебя. Не подведи.

На этих словах мама зарыдала в голос, с придыханием. На них стали оборачиваться другие провожающие. Отец крепко прижал к себе жену, стал гладить ее по голове.

— Батя, — сказал тогда восьмилетний Коля, — и ты не подведи нас.

И отец не подвел. Уже через две недели пришло письмо из Саратова. Принимая во внимание знакомство Игоря Пантелеевича с авиацией и учитывая его желание, он был распределен в летное училище, где ускоренным курсом шло обучение будущих военных летчиков. Батя с воодушевлением писал об учебе, скорее хотел встать на крыло. И Коля гордился своим отцом. В мечтах он видел, как после войны, прямо на своем боевом самолете, батя прилетает в Москву, сажает машину во дворе их дома и спрыгивает на землю: красивый, широкоплечий, весь в орденах и медалях...

— Да я-то что, Немец. Говорю только то, что слышал, — прервал Колины воспоминания Альберт.

Пожарский вспыхнул, схватил друга за воротник, вздернул на ноги, прижал к стенке.

— Никогда не называй меня так, — тихим, но дрогнувшим голосом сказал Николай. — Слышишь?

В глазах Николая — маленького и коренастого — было столько воли и решимости, что казалось, это высокий Альберт смотрит на него снизу вверх, а не наоборот. В воздухе повисло напряжение. Оба тяжело дышали, как после драки.

Альберт с силой отцепил Колину руку от своей рубашки.

— Извини. Не кипятись.

Судорогин, чувствуя, что был не прав, виновато заморгал. Пожарский сделал шаг назад.

— Забыли, — примирительно сказал он.

Они еще немного помолчали. Где-то в стенах школы послышался сводящий скулы звонок. Судорогин забеспокоился. Видно было, что ему не хочется опаздывать на урок. Но и бросать друга в таком состоянии казалось неправильно, не по-товарищески.

— Ты как? Идешь? — робко спросил он Колю.

Тот отрицательно мотнул головой:

— Иди один.

— Что я, зубрила? Товарища на уроки променяю?

— Иди. Я позже подойду.

Чувствуя неловкость, Альберт нерешительно переступил с ноги на ногу, с обреченностью махнул рукой и направился к школе. Сделав несколько шагов, он обернулся:

— А дядя Игорь-то что говорит? Где он пропал все эти годы?

Николай отвернулся, показывая, что не хочет больше разговаривать.

* * *

Ласковое майское солнце грело щедро, от души. Словно жалея измученных долгой войной людей. Будто прося прощения за неурожай прошлой осени, приведший к очередному голоду не успешней отъестся Страны Советов. Залитый светом асфальт начинал дышать жаром. Звякнул трамвай и, переваливаясь с боку на бок, тяжело, с усилием повернул на перекрестке. Немногочисленные прохожие заметили двух беспризорников, крепко державшихся за сцепку вагона. Нестриженные их волосы развевались на ветру, лезли в глаза, искрящиеся светлой радостью, которая бывает на лицах играющих детей.

По тротуару, мимо незатейливых вывесок «Ювелир высокого класса» и «Ремонт и заправка автору-

чек», быстро шагал парнишка в школьной форме и потрепанной серой кепке. Он был без портфеля. Шагал он так решительно, так сосредоточенно, что казалось, этот серьезный человек спешит с важным поручением.

Николай действительно чувствовал ответственность момента, который должен был вот-вот наступить. Предстоящий разговор мог оказаться решающим в его судьбе.

Ноги сами внесли его в знакомый двор, подняли на второй этаж. У двери Коля остановился. Успокоил дыхание. Решительно толкнул дверь и вошел.

Отец сидел все там же, у фикуса. Делал вид, что читает «Вести», хотя глаза его были неподвижны, а взгляд задумчив. В квартире больше никого не было. «И к лучшему», — решил Коля.

Он прошел в комнату и остановился перед Игорем Пантелеевичем.

— Читаешь?

Отец кивнул и еще ниже наклонился к газете, словно прячась от предстоящего разговора за колонками передовиц.

Но Коля не собирался отступать:

— Почему работать не идешь?

Снова молчание.

— В школе урок политинформации был. Говорят, стране квалифицированные специалисты

нужны. Острая нехватка кадров. Все силы кинули на восстановление промышленности и сельского хозяйства. А ты — инженер со стажем — дома штаны просиживаешь.

Игорь Пантелеевич снова взглянул на сына, медленно и аккуратно свернул газету, отложил в сторону. Тяжело вздохнул:

— Чего ты хочешь?

— Хочу знать, когда тунеядничество твое закончится.

— Недолго осталось. С понедельника иду работать в универмаг. — Отец грустно усмехнулся. — Народ не останется без моего вклада в дело восстановления страны.

Николай хотел было бросить в лицо отца что-нибудь обидное или даже унижительное, но осекся.

— В универмаг? — не поверил он. — Ты же инженер. Знаешь самолеты как свои пять пальцев. Почему универмаг?

Игорь Пантелеевич отвернулся к окну и горько, с нескрываемой обидой сказал:

— Видишь ли, сынок, стране не нужны квалифицированные инженеры. Если они побывали у фашистов. Даже когда побывали там не по своей воле. — Он помолчал немного, подбирая слова. — Особенно не нужны такие специалисты на оборонном заводе. Это мне в НКВД объяснили.

За окном проплывало тяжелое, похожее на тучу, облако. Верхняя его часть, вздымавшаяся горой, была подсвечена солнечными лучами и сияла ослепительно белым. Снизу облако угрожающе серело. Плыло оно медленно, с натугой, словно не в силах было перемещать в пространстве свое зыбкое тело, полное влаги. Отец не отрываясь следил за этой машиной. Как надо было ему тогда поступить? Чтобы не прятаться сейчас в стенах квартиры от посторонних глаз? Чтобы показывать сейчас сыну боевые награды, а не объяснять свое незавидное положение?

Точно такое же облако спасло его на первом боевом задании. И перевернуло судьбу с ног на голову. Опыта у Игоря Пантелеевича было с гулькин нос. В летном училище за три месяца он прошел школу первоначального обучения. На учебном У-2 всего пять раз поднимался в воздух. Налетам, как их называл пожилой преподаватель, часто мешала плохая погода. С таким скудным багажом пришел курсант Пожарский в боевую часть.

Разведывательная авиация оснащалась плохо. В хозяйстве у Игоря Пантелеевича был старенький белый СБ, списанный из бомбардировочного полка. Механик предупредил: левый мотор троит, сложные кульбиты на машине не делай. И еще. Бояться нужно не только немцев, но и своих. Он, конечно, не хочет пугать, но были случаи, когда

советские зенитчики, не разглядев звезд на крыльях самолета, обстреливали возвращавшуюся с задания машину.

И вот первый боевой полет. Шли тройкой в тыл врага. Самолеты не были оснащены фотоаппаратами, поэтому разведка велась с бреющего полета. Высота — двадцать пять метров над землей. Иначе ничего не разглядишь. Пройти незамеченными на такой высоте практически невозможно.

Игорь Пантелеевич чувствовал, как по спине стекала струйка пота. Впереди низко нависало над землей точно такое же облако. Пилоты видели, как яркие лучи солнца выбеливали зефирную верхушку кучевых паров, с трудом пробивались сквозь серую массу и снизу, на выходе, то там, то тут тянулись светлыми белыми нитями до самой земли.

Игорь Пантелеевич с замиранием сердца следил за тем, как поведут себя более опытные товарищи. Выхода было два: сбавить высоту и стать для врага видимым как на открытой ладони или пролететь над облаком и упустить из виду часть территории, захваченной противником. Но как тогда вести наблюдение?

Решено было снижаться малым ходом. И практически сразу же по ним стали стрелять. Внизу Игорь Пантелеевич увидел спрятанную в кустах зенитку противника.

Первым задымился и неумолимо стал снижаться Николай Закатнов, командир звена. Нужно было разворачиваться и уходить. Но Игорь не успел. Прямо на него сверху, из месива облачного пара, выскочил «юнкерс». От неожиданности Пожарский забыл все, чему его учили в Саратове. Знал только одно — на своем маломощном СБ ни уйти, ни победить в открытой схватке с сильным противником он не сможет.

Секунды растянулись как резина. Словно сквозь кисель медленно проплывала по воздуху морда акулы, угрожающе намалеванная на носу немецкого самолета. «Юнкерс» развернулся от солнца, и яркие лучи ослепили Игоря. На него плыла глубоководная хищница. И словно не было штурвала и приборов. Только плавки, маска и маленький гарпун в руках незадачливого ныряльщика. Сейчас Игорь замахнется, бросит свое допотопное копье в стального монстра и этим только рассмешит неуязвимую акулу.

Когда густой черный дым повалил из правого крыла второй советской машины, Игорь Пантелеевич понял, что остался один. И это его вдруг отрезвило. Сразу вспомнилось все, чему его учили на курсах. Противник выбрал самую выгодную позицию: сверху, поставив советский самолет против солнца. Уворачиваться не было смысла. Игорь Пантелеевич принял единственно верное решение:

лобовая атака. Надо было выжать максимально возможную скорость. Щурясь от бьющих в глаза ярких лучей, он видел, как неминуемо приближается раскрытая пасть акулы. Еще немного — и она его проглотит. Столкновения не избежать. Но в последний момент руки сами потянули штурвал вправо — и неказистый серебристый СБ нырнул в мягкую вату облаков.

Из-за спины протянулась пулеметная очередь, а впереди — ничего. Густой туман стеной стоял вокруг самолета, съедая видимость на расстоянии вытянутой руки. Уже через несколько минут Игорь Пантелеевич перестал понимать, в какую сторону двигаться, но выныривать из облака не спешил, опасаясь преследования. По хлопающему звуку понял, что обшивка самолета начала парусить: его старичок не годился для таких маневров. Было потеряно не только направление, но и время. Как долго его самолет прорезал туманный кисель — минуты, полчаса или час, — Игорь не знал.

Облако закончилось неожиданно — словно ножом отрезало. Когда глаза привыкли к свету, Игорь Пантелеевич увидел то, для чего был послан в разведку. Под крыльями его самолета простиралось большое ровное поле аэродрома, усеянное мелкими точками «юнкерсов». СБ вылетел на бомбардировочную эскадру. И там его уже ждали.

Если бы Игорь тогда не свернул в облако! Совершил бы таран и получил посмертную медаль за храбрость! Его сын гордился бы героическим отцом. Жена получила бы льготы от государства. А он? Он не узнал бы всех ужасов концлагеря, не корчился бы по ночам от рези в больном желудке, не прятался бы от косых взглядов. Хорошим финалом его жизни была бы смерть в неравной схватке с «юнкерсом»...

Но этого не случилось.

Облако продолжало свое медленное шествие по небу. Игорь Пантелеевич с трудом оторвал от него взгляд и пристально посмотрел в глаза сыну.

— Я знаю, о чем ты меня хочешь спросить. Вспомни, как ты верил мне раньше, до войны. И поверь еще один, самый ответственный раз. Я не сдавался в плен. Мне удалось посадить подбитую машину на кукурузном поле. Но спрятаться я не успел. А очнулся уже у них...

ГЛАВА 2

После тяжелого разговора с отцом на Кольку будто навалилась безразмерная каменная глыба, от которой ныл затылок, тянуло к земле плечи. Он понял по серьезному взгляду отцовских глаз, что тот рассказывает ему про плен как взрослому, без обид и утаек. Но какой же горькой оказалась эта взрослая правда, вставшая у подростка плотным комом в горле! За что с отцом случилось такое? Почему война закончилась, а жизнь Николая Пожарского не стала прежней?

Голова у мальчишки кипела от вопросов. Из-за этого тумана он совершенно не понимал, куда несут ноги. Желтые квадраты окон в темноте улиц размылись, заострились лучами от накативших слез. Подросток сжал кулаки, тяжелым глотком прогнал судорогу в горле. Нет, плакать как девчонка он не будет: разучился во время долгих тяжелых смен на заводе.

Колька глубоко погрузился в размышления. Что же делать со школой? Терпеть каждый день косые взгляды, шепот за спиной и издевательства

глупых одноклассников абсолютно невыносимо. И до этого он ежедневно усилием воли останавливал волну обиды при виде здания школы. На кого обижаться? Война, проклятые немцы виноваты в том, что ему пришлось бросить учебу и пойти на завод. Теперь же к пропасти между ним и бывшими однокашниками по учебе добавилась жуткая новость, которая перевернула весь мир. Одноклассники, бывшие и настоящие, соседи, случайные прохожие, школьные друзья, учителя — для всех он стал изгоем, сыном предателя и труса. И виноват в этом его родной отец... Или нет в этом никакой его вины? Он же сделал все, что смог. Как же запуталась жизнь, какой же невыносимо сложной она стала!

Николай поднял глаза от резкого света. В вечернем полумраке сияли огни яркой вывески «Кинотеатр Родина». На пяточке возле большого здания, как всегда по вечерам, прогуливались парочки и компании в ожидании сеанса.

Пальцы у мальчишки сжались в кулаки, сейчас будет еще один важный разговор, который изменит его жизнь. Пускай дезертирство отца он исправить не может, но вот удалить навсегда неприглядную часть своей жизни должен. Один разговор! Он не струсит, он сможет твердо сказать свое решение. И если нужно, то кулаками отвоюет новую светлую

жизнь. Без лжи и слабости, не будет сдаваться, как отец!

От резкого свиста из темноты, из-под низкого козырька заколоченной витрины, Колька вздрогнул и закрутил головой, слезы моментально высохли, так и не успев пролиться. Из черного пятна разбитого магазинчика к нему скользнула чья-то тень.

— Добрый вечер, молодой человек. Куда так спешим? На свидание? — тень превратилась во франтоватого мужчину в пиджаке и широком полосатом галстуке. В свете фонарей сверкнула металлическая фикса. Давилка преградил Кольке путь.

Но высокий мужчина с полуулыбкой-полуоскалом не напугал Кольку: они были знакомы уже несколько лет.

* * *

Появился Давилка, вернее, как он представился, Михан, в жизни Кольки случайно в январе сорок второго. Мама в начале каждого месяца раскладывала на обшарпанном столике пасьянс из продуктовых карточек. И каждый раз ее лицо становилось все испуганнее и грустнее.

Маленькая Наташка орала днем и ночью, требуя молока. Но даже после кормления продолжала хныкать и капризничать, так как, по выражению

матери, «пустым молоком» не наедалась. За пару месяцев из квартиры исчезли мамино пальто и отцовская куртка на меху, неделю они ели по утрам кашу, а на обед картошку. Когда продукты кончились, начались бессонные ночи с мамиными вздохами, Наташкиным нескончаемым плачем и сосущим ощущением голода.

Тем утром Николай свернул после школы совсем в другую сторону. Бодро протопал пару километров и застыл в нерешительности перед металлическими прутьями ограды. Стянул галстук и сунул его в портфель, мысленно укорив себя, что надо было идти не в школьной форме. Но отступить было поздно: в желудке со вчерашнего дня ныло от голода. Сестренка два дня как заболела, утробно кашляла по ночам. Вчера утром мать куда-то тихонько уходила, так что он сквозь сон расслышал только скрип двери. Проснулся от запаха горячего молока и масла, еще не стряхнул сон, а мозг уже верно определил аромат. Такой смесью поила его мать до войны, когда маленький Коля начинал кашлять или мучиться осипшим горлом. Сейчас такое лекарство она аккуратно, по ложечке, вливала радостно гукающей Наташке. От горячего у сестренки выступил румянец на щеках, она жадно ловила губами каждую каплю смеси.

Колька сглотнул кислую слюну и с головой накрылся колючим ворсистым одеялом. На завтрак

перед школой мать с виноватым видом положила ему половинку хлебной корки с белесыми разводами молока и масла со стенок кружки. Он понял, что утром она обменяла свои продуктовые карточки, по которым им кормиться целый месяц, на молоко и масло для больной Наташки, и теперь долгих тридцать дней надо делить и без того скудные порции на двоих.

Колька снова мучительно сглотнул, отодвинул тарелку, стараясь не вдыхать соблазнительный аромат, и пошел за ранцем в коридор, бросив сухо:

— Ты сама ешь, я не голодный.

В классе Колька чутко вслушивался в урчание живота, заливаясь краской при каждом неуместном звуке. Ему казалось, что весь класс сейчас повернет головы в его сторону, а математик вскинет строгие лохматые брови и язвительно попросит не срывать урок.

Вечером, когда мать укладывала хныкающую сестру, снова пахло теплым молоком. Но на столе мальчика ждала бурая похлебка из картофельных очисток. Он взял ложку и решил есть медленно, чтобы хотя бы на несколько минут утолить нестерпимое ощущение голода. Удержаться не получилось — он буквально втянул в себя сразу все варево, судорожно выпил последние капли с края тарелки. Усердно вытер рукой края посуды, обсасывая каждый палец. С жадностью облизал тарелку до

скрипа и беззвучно расплакался от мучительного ощущения пустоты в животе.

Ночью Колька поймал себя на том, что запикивает в рот полный слюны ворсистый уголок одеяла. Уже в утренней дремоте всплыл в голове рассказ приятеля о том, что на Краснопресненский механический завод берут школьников: для производства снарядов нужны дополнительные руки — там платят зарплату и кормят в столовой. От слова «столовая» снова заныло в брюхе. Колька окончательно проснулся и решил, что сегодня после школы он пойдет не напрямик домой, а в сторону черных заводских стен с закопченными окнами.

Так пятиклассник оказался на проходной. Старик в толстенных очках прищурился, глядя на незнакомого мальчика:

— Куда? Опоздал на смену, прогудело уже. Пропуск покажь.

— Я на работу устраиваться. — Колька зачем-то старался говорить солидным басом.

Вахтер всмотрелся в крепкую кряжистую фигурку и махнул сморщенной ладонью.

— Налево иди, во второй цех, токарный. Мастера ищи, Николая, Сапера без глаза, — и добавил, глядя вслед торопливо удаляющемуся Кольке: — Не балуй там! Второй цех!

Колька торопливо шел по территории, крутил головой, рассматривая огромные вытянутые цеха,

за грязными окнами которых деловито сновали темные силуэты, мерно гудели станки.

Он с трудом потянул на себя дверь с нарисованной двойкой, сделал несколько шагов в темное помещение с тусклым светом и застыл, оглушенный непривычным грохотом. Над ухом раздался хриплый оклик, от которого Колька невольно дернулся, а обернувшись, замер в испуге. Сверху на мальчишку смотрела маска из сморщенных алых рубцов с черной щелью вместо рта и пустой глазницей на месте правого глаза. Левый же сверкал злостью из-под натекшей опухлости века.

— Ты кто такой? — прокричал обожженный человек и для убедительности тряхнул застывшего с открытым ртом пацана рукой в бугристых ожогах.

— Пожарский я, работать, — выдавил из себя Колька, отвести взгляд от пустой глазницы он был не в силах.

Мастер наклонился поближе и прокаркал в ухо:

— Сколько лет?

— Дес... Тринадцать! — выпалил мальчишка и расправил плечи.

Мастер окинул его взглядом: врет, больше 10 ему не дать. Тощий, но жилистый, широкий разворот плеч, а кисти с длинными пальцами уже наливаются юношеской силой. Можно попробовать мальчишку за станком, выбора все равно нет. Работников катастрофически не хватает, Красная

армия страдает от дефицита деталей, патронов, обмундирования. И начальство звонит, требует, грозит всеми карами за невыполнение плана. За станками стоят старики, дети, женщины.

— Родители где? — рявкнул мастер.

— Отец на фронте, мама с сестрой сидит, она маленькая, — крикнул Колька и с ужасом понял, что забыл про бас.

— Раздевалка. — Изуродованный обрубок указал куда-то в темноту слева. — Портфель там свой оставь. Мешок, щетку и совок бери в углу: сегодня на уборке. По полу стружку железную у станков скидывай в мешок. Завтра в восемь чтобы здесь был, метрику у матери возьми для бухгалтера. На фрезе буду учить.

Так потекли рабочие будни: подъем под Наташкино хныканье, ледяная вода из ведра на кухне. Руки в рукава подранной отцовской телогрейки, а по дороге кусочки сухаря в рот и смачное ощущение на языке их пшеничного вкуса. Потом десять-четырнадцать часов изнурительной работы у станка с единственной радостью — перерывом на обед.

Основную часть зарплаты забирали на оплату питания в столовой, а остаток Колька отдавал матери. Наташка перестала кашлять, а у матери исчез взгляд побитой собаки. Закончилось сосущее чувство голода, зато теперь Николаю все время хоте-

лось спать: от жужжания станка закрывались глаза, руки норовили схватиться за вращающиеся детали. Но тут над ухом раздавался окрик одноглазого мастера Тарасова, который, зная о вечной сонливости малолетних работников, то и дело устраивал им перекличку, чтобы не задремали и не свалились с ящиков прямо на станки.

Бывший сапер выжил после взрыва вражеской мины, но получил ожоги и остался без нескольких пальцев. Через полгода мучительного лечения в госпитале в возвращении на фронт медицинская комиссия ему отказала. Что там делать калеке, который еле шевелит обрубками конечности и слеп на один глаз! Пришлось идти работать на завод мастером, срочно изучать токарное дело.

В подчинение Тарасову дали детский сад, как он про себя называл подростков 10–12 лет, своих главных работников. По военной привычке он организовал на работе железную дисциплину: на жалобы и слезы внимания не обращал, приучил ребят откликаться на перекличке громким «Здесь!». Работали юные трудяги без учета времени, до выполнения нормы, а на обед ходили строем. Токарный цех неизменно выполнял и перевыполнял план благодаря системе, налаженной мастером Тарасовым, которого за глаза весь завод называл Сапером. На всю зарплату и пенсию он покупал на толкучке

пряники или сухари и выдавал их в конце дня по одной штуке работникам с лучшими результатами.

Несколько раз Сапер оставлял шустрого Пожарского в ночную смену, хотя это и запрещалось. Но пока идет война, не до правил, а мальчишке лишняя копейка к зарплате — подспорье. И самое важное, что после ночной смены выдавали дополнительный паек: брикет горохового концентрата, кулек с крупой и огромную тарелку щей из жестких кочерыжек.

Из-за усиленного пайка и произошло Колино знакомство с Давилкой.

После суток у станка юный работник брел домой по предрассветной улице, прижимая к груди кулек с крупой и пачку концентрата в тонкой бумаге. Размышлял, что дополнительный паек пришелся как раз кстати — у матери совсем развалились единственные ботинки, поэтому оставшиеся карточки пришлось обменять у торгашей на потертые сапоги. А до конца месяца целых пять дней. «Один день сухари, один день гречку, потом еще гороховую кашу. По карманам бы распахать продукты, иду как дурак с рублем», — вяло подумал Колька, мысли в затуманенной голове шевелились медленно, словно в толще воды.

Удара он не почувствовал, вернее, не понял — спас плотный отцовский картуз на ватине. Просто потемнело в глазах, и земля резко прыгнула в лицо.

Кто-то носком ботинка больно ударил по ребрам, так что стоящий на коленях Колька скрючился от боли, раскрыв в беззвучном крике рот. Мелькнул серый бок брикета. Колька попытался ухватиться за свое богатство, но пальцы только зацепили угол кулька, гречка рассыпалась коричневыми камешками по грязному снегу. Кто-то хрипло выругался, сорвал с его головы картуз и ударил в ухо до звона и темных кругов перед глазами.

Пока Колька скулил от боли, черные валенки поспешно удалились. Колька сел на землю, предметы вокруг постепенно принимали привычные очертания. Он ощупал себя — огромная шишка и ухо, наливающееся болью. Но самое ужасное — пропажа пайка и картуза!

От мысли, что мать с испуганным видом будет просить для него у соседей лекарства, а на улице вместо картуза придется кутаться в материну шаль, Колька закипел в отчаянии. Ему хотелось сокрушить весь мир вокруг, но сил не было, даже чтобы встать.

Кто-то сильный поднял его с земли за воротник телогрейки, перед глазами мелькнул серый прямоугольник.

— Твое, малец? — Высокий мужчина в строгом пальто и щегольских узких ботинках протянул мальчишке брикет концентрата.

Колька в ответ закивал и вцепился в твердый кусок, потом бросился сгребать с грязного снега гречку. Его спаситель безразлично поморщился, но сказал дружелюбно:

— Пожалуйста, не стоит благодарностей. Я издалека увидел, как этот дылда несется со своей добычей. Подножку ему поставил, он и растерял хабар.

— Спасибо, — чуть слышно прошептал Колька и в задумчивости замер над кучей, которую сгреб. Что дальше? Как теперь донести домой эту смесь грязи с гречкой? Затылок ломило от холода и пульсирующей шишки. Странный незнакомец и нападение шпаны его не волновали, в голове, как заноза, сидела мысль: что сказать матери про паек и картуз? Она ведь ждет его после ночной с продуктами, небось дала Наташке на завтрак только половинку сухаря.

Давилка тем временем с интересом рассматривал замершего в оцепенении Кольку: лет десять, отощавший, но с длинными сильными пальцами и крепкими мышцами рук, торчащих из просторного ватника; серьезный и сосредоточенный. Он давно присматривал такого помощника — с пружиnistым телом акробата, без детской суеты в движениях, а значит, и в характере.

И Давилка решился на проверку. Поправил полосу галстука в разрезе пальто: очень ему нрави-